

Виктор Ааб

1987 год. Зыбкое равновесие на пути к нулю

*Простым людям, сынам Отечества, бесследно
растворившимся в пучине перестройки...*

Совпадение имен, фамилий и названий
местности носит случайный характер.

ЯНВАРЬ

Глава 1

Какой уютный праздник все-таки Новый год. Подведены, наконец, итоги большого временного промежутка длиной в 365 дней, один к одному, натянутых как струна — года сложного, трудного и очень необычного. Сколько переживаний, сколько сомнений, сколько бессонных ночей он тебе преподнес и вдруг — пришел Дедушка Мороз — сказал.

— Все это за плечами, все уже в прошлом.

Можно расслабиться, отдохнуть и забыться. Весь мир отдыхает в это время, — в короткий

период полусонного празднества. Как быстро он пролетает.

И вот на календаре уже рабочие дни нового января. На свежих листках, очень красивых в своей неисписанной пометками аккуратности, они тебе предвещают такой же чистый, полный событиями еще один год. Все плохое — в прошлом, и все хорошее — впереди.

Начинается январь непривычно — совсем не так, как год назад. Необычность — в тишине. Практически молчит в кабинете телефон, мне нет надобности, переключать его на секретаря — даже во время планерок и совещаний. Причина понятна — менее 90 кабельных повреждений на сети.

Зато остались самые трудные, а значит, и самые длительные. Давно устали владельцы этих 90 телефонов — добиваться их восстановления. Большинство, похоже, смирились с потерей в квартире своей, средства общения...

Но вот, наступила возможность связистам каждое из этих повреждений изучить детально и найти вариант устранения. Без спешки — хотя и медлить особенно нельзя. Очередной паводок впереди. Опять отвлечет все внимание на себя. Опять отбросит эти застарелые, до которых, не дай Бог, опять не дойдут руки — на потом...

Мысль о предстоящем апрельском паводке не

покидает ни на секунду, в подсознании все авралы прошлого сезона отпечатались четко. Если не успеем причины, способствующие их возникновению устранить — во время паводка, опять они — авралы, начнут править бал.

Греет надежда — два с половиной месяца, самых благоприятных месяца для безаварийной работы подземных кабелей, — впереди. Это за сколько лет, своим временем, они, наконец, дают шанс войти в паводок наступившего года с чистого листа, а это значит — не шарахаться под гнетом большого количества повреждений, а работать с каждым вновь возникшим, своевременно, подготовленным и во всеоружии.

Без повреждений в паводок не обойтись — но они будут свежими не застарелыми, а это значит, что проклеивается реальная возможность, своевременно, в динамике управлять каждым возникшим, и оперативно принимать по нему меры, для быстрого устранения.

По сути, впервые за многие годы, складывается ситуация, когда цех ГТС будет работать на сети в принципиально новых условиях. Как с этим справится цех ГТС...

Как бы, не расслабились люди.

Посленовогодняя нега проходит очень быстро, начавшийся год берет свое — время начинает лететь с невероятной быстротой.

Висящев, тонко чувствующий настроение в цехе своих людей, делится опасениями: кабельщики боятся, что начальство может пересмотреть начавшуюся складываться систему оплаты их труда. Слишком, по их мнению, быстрое снижение количества повреждений может создать, мол, у начальства иллюзию, что теперь это состояние сети можно содержать — не прилагая особых усилий, а значит, и оплату труда кабельщиков можно поприжать.

Мне очень интересно узнать — кто такой «умный» в линейно-кабельной бригаде подогревает подобные настроения, но это узнать практически невозможно. Очень дружно держатся кабельщики, когда дело касается их личных интересов. Работа под руководством Обухова все еще не выветрилась из их памяти.

Мне почему-то кажется, что мутит воду Цехменструк Саша — мужичок себе на уме, молчаливый, всегда старается держаться в тени, не вступает в дискуссии и очень внимательно все слушает и впитывает в себя, но при встрече взглядами — всегда уводит свои глаза в сторону...

Ни я, ни Висящев, ни Макарычев, находящийся, кажется, в дальней родственной связи с ним — не можем это утверждать с точностью. Но во время мимолетных встреч с

бригадой, обязательно перебрасываюсь с ними несколькими словами, — при этом, я всегда незаметно слежу за поведением Цехменструка. Очень трудно разгадать его действительные мысли, но если я вижу, что, как мне кажется, — если ему импонирует предложенное, или сказанное мной, — то, безусловно, это найдет понимание и в бригаде, в целом.

— Александр Дмитриевич, задача снижения кабельных повреждений до нуля достижима — убеждаю Висящева. Убеждаю по инерции, теперь-то он и сам это знает.

Знать-то знает, но вот уже проходит первая половина января, а повреждения не только не снижаются, наоборот, на сегодня, на 13 января, их количество, непонятно по каким причинам, даже возросло и в утренней сводке сегодня их — 123. Вроде бы, и погода складывается благоприятно — ан нет, последнего, завершающего рывка к обнулению сводки кабельных повреждений, бригада кабельщиков не делает. Что-то не так...

На встрече с Александром Дмитриевичем, в ходе обсуждения ситуации, на высказанное мной недоумение он как бы, между прочим, бросает:

— Виктор Васильевич, кабельщики на вас обижаются — говорят, вот как не стало завала на сети, так сразу начальник про нас и забыл. Уже и встречаться с нами не хочет.

Я сразу схватываю, что имеет в виду Александр Дмитриевич. Все годы существования ТТС, как самостоятельного предприятия, кабельщики привыкли быть особой кастой, пусть, всеми ругаемой и осуждаемой, но — кастой, среди других профессий связистов. Они привыкли быть на особом, привилегированном, по отношению к своим товарищам по работе, положении, в силу собственной незаменимости.

Обслуживая ключевой для функционирования телефонов в городе участок, они выбили особое к себе отношение со стороны руководства. Привыкли к тому, что еще совсем недавно и руководил непосредственно их работой, по сути, сам начальник ТТС, который, будучи загнанным в угол, фактом отсутствия возможности создания альтернативной замены их, еще совсем недавно, некачественному, безответственному и наплевательскому труду, — просто вынужден был идти на поводу у их прихотей.

Люди психологически не были готовы к тому, что труд их — кабельщиков, может стать обычной, ничем не выделяющейся составляющей, в общем труде всего коллектива ТТС.

Логика мышления членов бригады была шита белыми нитками. — Меньше внимания стал уделять нам начальник — это значит, — что? — хочет сравнять нас с другими членами коллектива,

лишить нас годами завоеванного привилегированного статуса. Нельзя этого допустить. Надо ему напомнить о себе.

Ну, ничего, не за горами паводок, он спишет на себя автоматически все, якобы, недочеты нашей работы. И если очень быстро забывает нас начальник, — ничего-о!., В паводок, неуправляемая стихия которого, на нашей стороне, обязательно представится испытанный годами и при разных начальниках очень удачно и своевременно примененный повод, о нас, кабельщиках, ему напомнить...

— Ну что ж — говорю Висящеву, — не будем ломать сформировавшиеся традиции. Назначайте встречу с людьми в моем кабинете, поговорить есть о чем...

Беспокоила ситуация с соединительным кабелем на АТС-7. Когда-то это был шестисотпарный пятикилометровый, добротный свинцовый кабель с диаметром жил 0,7 мм. И проработал-то он, всего ничего, — без малого, — десять лет. При пуске в эксплуатацию, как и положено, был поставлен под избыточное воздушное давление. Да вот беда — канализация, в которой он был проложен, постоянно была затоплена под завязку грунтовыми водами. Откачивать её теми средствами, которые имелись у

ТТС, было практически невозможно. Замерзшей в каналах водой каждую весну этот кабель разрывало, и не было года, чтобы в паводок, или сразу же после него, связь с АТС-7 на долгие недели не прервалась. Отрезалась доступность всех её абонентов к общей телефонной сети. А что такое, отсутствие связи с важнейшими абонентами промышленных предприятий, находившихся в зоне её действия — я ощутил в полной мере на шкуре начальника в прошлом году.

В предписанные контрольные сроки устранить повреждение на этом кабеле теперь уже было просто невозможно. За годы загульной эксплуатации мимолетно приложили к нему нетрезвые руки многие забывшие профессиональную гордость горе-профессионалы. На неоднократно вскрывавшихся муфтах, жилы кабеля были некачественно сращены, значительная доля жил была распарована, причем в разных местах. Многие жилы были просто не соединены. К 1986 году, из-за потерянных телефонных пар, кабель с шумами, тресками внятыми и невнятными переходами, прослушками между вышедшими на связь абонентами, с натяжкой, обеспечивал работу лишь в режиме четырехсотпарного.

Ни в коей мере я не хотел допустить перерыва связи с АТС-7 в новом, начавшемся году, тем более

что способ — как избежать этого, — имелся.

Прошлой весной Управлением связи был выделен полиэтиленовый трехсотпарный кабель для прокладки на «семерку» резервной соединительной линии. Титанических усилий мне стоило удержаться от соблазна — пустить этот кабель на ремонтные нужды, минувшего тяжелейшего ремонтного периода. Удержался. И вот теперь, на предстоящей встрече, можно было с кабельщиками и поговорить о прокладке кабеля собственными силами резервной магистральной линии на АТС-7, чтобы обеспечить непрерывность связи с её абонентами в любое время года. И не только об этом...

Утром следующего дня, в полном составе, бригада с сосредоточенными, полными достоинства выражениями на лицах, подчеркнуто неспешным шагом, но организованно, в сопровождении Висящева и Бугаенко, заполняла кабинет. Некоторым не хватило стульев — замыкающие прихватывали их с собой из приемной. Расселись без суеты. В кабинете сразу же стало тесно.

Повисла неловкая тишина. Не торопясь, вглядываясь, задерживал я испытующий взгляд на каждом из присутствующих. Кабельщики уходили от прямых встреч глазами, но делали это естественно, без сумятицы. На выражениях их лиц

читалось смелое достоинство. Каждый из них четко осознавал, что выполненная их бригадой самоотверженная работа в прошлом году, по наведению порядка на сети, не позволяет никому, и мне в том числе, подумать о них плохо и ничего странного в том, что они хотят лишний раз, лично с начальником предприятия уточнить правила игры — нет.

Мне встреча с людьми не претила. За год совместной работы, мое отношение к ним было понятным, откровенно уважительным и честным. Несмотря на исключительные трудности прошедшего года, я сумел удержаться от резких мер по отношению к ним и обеспечил медленный, но обязательный рост требований к качеству их работы методами, ни в малейшей мере, не оскорбляющими их достоинства. Сумел не допустить ни малейшего намека на панибратство, но при полной демократичности взаимоотношений, так необходимая для дела, дистанция между начальником и подчиненным, всегда четко соблюдалась.

В свою очередь, с их стороны, первоначально, заочно сформированное уважительное отношение ко мне, за год совместной работы — утвердилось и окрепло, — я это чувствовал. И намерен был это уважение закрепить и усилить. Необходимые кабельщикам, встречи со мной, были полезны и

мне, я не чувствовал в них ничего зазорного, в первую очередь, это были встречи в интересах дела.

Не было секрета и в том, что именно Висящев и Бугаенко в полной мере, ценой гигантских, душевных и нервных усилий вели воспитательную политику в доставшемся им разболтанном коллективе. Самоотверженно вели, совершенно не принимая в расчет то, что именно такого рода усилия, наиболее эффективно подтачивают их здоровье, подготавливая и гарантируя им в скором времени, огромный букет будущих болезней. Много выявленное и проращавшее позитивное у находившихся под их непосредственным управлением людей, — было их прямой заслугой. Действовали последовательно, спокойно и без криков. Трудно, очень трудно было наводить им порядок в цехе методами, не допускающими радикальных решений.

Все случавшиеся негативные действия и поступки очень своенравных и самоуверенных подчиненных, они в полной мере испытывали на себе. Сколько выдержки и самообладания необходимо было Висящеву с Бугаенко проявить, чтобы обычными человеческими методами, добиться добросовестного выполнения вверенным коллективом поставленных перед цехом задач.

И я понимал, что каждая моя встреча с людьми цеха, простыми грубыми мужиками, —

среди членов кабельной бригады не было ни одного коммуниста, ни одного комсомольца, — должна быть проведена так, чтобы ненавязчиво, но неуклонно, авторитет Висящева и Бугаенко не только не был бы ущемлен, но наоборот — укреплялся. Александр Дмитриевич откровенно радовался, что я не уклоняюсь от этих встреч, и также ждал от них непосредственной помощи и поддержки, и самое главное — подтверждения, — его политики, проводимой в цехе и на сети.

За время паузы, окончательно сформулировав внутренне тезисы встречи — я начал разговор с сообщения, которое был уверен, гарантирует мне полное взаимопонимание со стороны гоношистого товарищества кабельщиков, в рассматриваемых вопросах.

Глава 2

Не было для коллектива связистов Области более неразрешимой проблемы как проблема обеспечения нуждающихся работников жильем, квартирами. Тормозом застопорилась на предприятиях областного Управления связи очередь на жилье. Несмотря на все активнее развивавшееся в городе жилищное строительство — со стороны городских властей количество выделяемых связистам квартир оставалось

неизменным и чисто символическим — не более двух-трех в год. И разделить эти квартиры нужно было между десятками и десятками нуждающихся в жилье специалистами областного Управления, ЭТУС-а и городскими предприятиями — Почтамтом, Спецсвязью, Автобазой связи, Телеграфно-телефонной станцией... Полная безнадега.

Вожделенная для предприятия квартира выпадала один раз в несколько лет. И горе администрации того предприятия, которое нарушит, сотнями и сотнями глаз отслеживаемую очередь на жилье, в своем родном коллективе. На долгие месяцы, а может и годы — склока гарантирована.

Понятно — каким мощным стимулом в работе могла стать возможность реально получить квартиру. Как я убедился в мае прошлого года — для ТТС этот стимул работал вхолостую.

Именно в мае, полгода назад — выпало счастье распределить полученную новенькую двухкомнатную квартиру работнику Телеграфно-телефонной станции. Я как «новичок», оглушенный авралом на сети — не особо вмешивался в этот процесс. Решил тогда прислушаться к мнению членов администрации, профсоюзного комитета, настоятельно рекомендующих распределить квартиру инженеру

Гриценко П, молодому специалисту, работавшему в цехе телеграфа.

Особенно усердствовал, расхваливая своего специалиста, Петр Романович. И таким этот Гриценко, оказывается, был патриотом предприятия, что подписывая совместное решение на выделение квартиры, я просто не мог не запомнить эту фамилию.

Буквально месяца через полтора, после получения им квартиры — пригласил в кабинет, с желанием ближе познакомиться. Катастрофическая нехватка специалистов в линейно-кабельном цехе стояла до неприличия остро, и я не оставлял надежд, разбавить цех свежими грамотными людьми. Одним из вероятных кандидатов в цех на руководящую должность — мог стать перспективный Гриценко.

Я был крепко обескуражен, когда Паша Гриценко крепко сбитый, приятной наружности, привлекательный с виду молодой человек, даже разговора не стал поддерживать о проблемах предприятия — а сходу огорошил меня сообщением, что работал он здесь только ради квартиры. А сейчас, да что там о линейно-кабельном цехе — о самой ТТС он слышать не желает, и уже, оказывается, написал заявление на увольнение и уже, оказывается, подыскал себе новую работу.

И действительно — подыскал, и действительно — скоро уволился, и квартиру за собой оставил.

Неприятный осадок оставил о себе этот «патриот». И все горе-ходатаи за него, в недоумении разводили руками. Кто бы мог подумать...

Для меня это был горький урок, и тут же внутри, на подсознательном уровне отпечаталось — если когда-то в будущем, — еще доведется распределять жилье — доверять в этом щепетильном деле буду только своей интуиции. Только ей! И для меня, при принятии решения, интересы дела будут превалировать.

И вот сейчас я готовился начать разговор с кабельщиками именно с квартирного вопроса. Вне всяких планов, совершенно неожиданно для меня, уже под закат уходящего года Макарычев пробил себе новую квартиру. Пробил — минуя Телеграфно-телефонную станцию, используя хорошие связи со строителями городских предприятий, с которыми он все более тесно взаимодействовал при выработке и выдаче им технических условий на телефонизацию строящихся объектов.

Напрямую через Горисполком, (а может быть, распределение ему новой трехкомнатной квартиры прошло втихую, без огласки в Управлении связи —

не знаю), но квартиру в престижном Васильковском районе он получил. Когда он, как бы, между прочим, известил меня об этом — я искренне обрадовался его успеху. Заслужил он эту квартиру честным, достойным трудом. Как с юности пошел в связисты — так и закрепился по выбранной профессии. Достоинственно работала в ЛАЦе инженером и его жена. Он не чурался тяжелой работы, искренне любил обретенную профессию, прикипел к предприятию и искренне переживал за его успехи и недостатки.

Я знал о его репутации достойного связиста и ранее, но год его непосредственной со мной работы, в качестве главного инженера, приложенные им усилия на вывод предприятия из кризиса только подтвердили и укрепили мое к нему уважительное отношение.

Около десяти лет Александр Николаевич проживал в служебной двухкомнатной квартире на АТС-7. В принципе, это была неплохая квартира. Но служебное жилье — оно и есть служебное, и конечно же, владелец такого жилья не может не испытывать определенный дискомфорт и неудовлетворенность.

Весь светился от радости Александр Николаевич.

— Ну вот, квартирный вопрос решен, теперь он тоже, как и Гриценко может подыскать себе

более комфортное и более высокооплачиваемое место работы и избавиться, наконец, от этих нескончаемых проблем городской связи. Промелькнула подобная мысль — и тут же погасла.

Александр Николаевич, безусловно, очень умный и честолюбивый человек, так же как и я, несомненно, почувствовал запах приближающегося стабильного порядка в организации работы Телеграфно телефонной станции, чему он тоже немало приложил усилий. Ожидался, явно ожидался за этими усилиями успех, и отказаться от плодов этого успеха вряд ли он решился бы. Я ведь и в себе чувствовал, что данная чуть менее года назад самому себе клятва, что вот только наведу порядок на работе, в которую волей обстоятельств, ввязался — и тут же уйду, — вряд ли сбудется.

Короче — освободилась вполне приличная служебная двухкомнатная квартира на АТС-7. Вдвоем с Макарычевым и решали мы — кого же туда поселить. И решили: — самое разумное — отдать её кабельщику Беккеру Андрею. Он ютился с женой и двумя детьми в какой-то каморке с невыносимыми условиями, и, конечно же, в мыслях не имел, что на него нежданно-негаданно может свалиться такой дар с неба, как квартира. Вполне приличная квартира — со всеми удобствами — сам главный инженер в ней жил! Ну и что — что служебная, — по сравнению с затхлой мрачной

каморкой, этот пустячок был бы для него совсем никчемным.

Наше с Макарычевым решение — отдать квартиру Беккеру было совсем не случайным. Именно он, даже не кабельщик-спайщик по квалификации, а просто монтер, причем монтер с физическим недостатком, этот подслеповатый, в то же время — крепко сбитый статный мужчина ростом — под два метра, какой из него кабельщик — он и в колодец то не поместится. Андрей стеснялся носить очки. Ранее ему поручали в основном не очень сложную работу по устранению одиночных повреждений путем поиска в кабелях исправных пар и перекрессирования на них номеров с поврежденных линий. Как правило, он «подавал» прозвонку кабельщикам с оконечных устройств, работал в паре с измерителем Ларионовым.

Но именно от Беккера распространялись на бригаду характерные для его немецкого характера обязательность по данным обещаниям, конкретность при принятии решений — кратко оговоренная, без долгих слов, стремление к аккуратной законченности работы и исполнительность. И не случайно в долгих поисках бригадира — кабельщики отдали предпочтение ему.

С виду простачок, Беккер умеет ладить с

людьми и спокойно и несуетливо находит способы добиваться приемлемого исполнения оговоренных на планерках в линейно-кабельном цехе планов. Грамотешки парню не хватает — а так, с учетом природных данных, мог бы из него получиться прекрасный руководитель.

По результатам работы во второй половине прошедшего года мы реально почувствовали, что привнесло организованности в работе линейно-кабельной бригады согласие Андрея взять на себя обязанности бригадира.

Заслужил Беккер квартиру, более чем кто-либо другой — заслужил!

Вот и сейчас — сидит он среди своих товарищей, не может скрыть озабоченности на лице, даже не подозревает о сюрпризе его ожидающем.

— Ну что ж, начнем с необычного — произношу я — у нас появилась возможность перераспределить служебное жильё, которое освобождает Александр Николаевич. Квартиру на АТС-7. Что если мы предложим заселиться в неё вам, Андрей Васильевич?

Сосредоточенный взгляд Беккера рассыпается в растерянности, у него от неожиданности отвисает челюсть, и так немногословный, он едва выдыхает из себя.

— Как?..

— А вот так! Заселяйтесь и спокойно живите — очередь, в которой вы состоите на получение квартиры, за вами сохранится. До той поры, пока она не будет реализована, поживете в служебной. Думаю, она получше того уголка, где вы сейчас ютитесь.

— Виктор Васильевич — да это же хоромы... — голос Беккера никак не обретет силы, звучит полупшепотом, в глазах его, все еще растерянных, появляется блеск неуверенной надежды. Он мнет свои руки и, похоже, душа его в кабинете отсутствует.

Сидящие рядом с ним товарищи тянутся к Беккеру, толкают его в бока, похлопывают по плечам и спине. Мое сообщение тоже явилось для них полной неожиданностью, но чувствуется — они рады за товарища — одобрительно гудят и переглядываются.

— Чем черт не шутит, не исключено, что наладив нормальную работу связи в городе, мы станем получать жилья гораздо больше, чем сейчас — завершая тему — бросаю я, и перехожу к проблемам, для проработки которых мы собственно и собрались.

Откровенно делюсь озабоченностью, что свинцовый пятисотпарный кабель на «семерку» вряд ли опять выдержит зимнее тисканье его льдом

в протяженной промерзающей насквозь канализации. Подстраховать надо связь к АТС-7 на весенний период. Разбить, наконец, устойчивое неверие горожан, особенно тех которые проживают в Юбилейном микрорайоне в способность связистов обеспечить непрерывность работы их телефонов.

Хоть и работают там сейчас практически все телефоны — не ослабевает поток ходатайств через органы власти с просьбами, распоряжениями, приказами — переключить с «семерки» на «четверку» важные телефоны промышленной зоны и ответственных руководителей, проживающих в восточной части города. АТС-4 — надежнее.

Упорно отфутболиваю все это, игнорирую, выдерживаю нелюбезные разговоры — убеждаю, что будет, наконец, связь в этой части города нормальной, но ведь и сам до конца не убежден, что так и будет.

Надо, надо именно сейчас проложить туда резервный кабель. Вот он на дворе — трехсотпарный, дожидается своего часа — виднеются через окно составленные в середине двора барабаны. Александр Дмитриевич уже договорился с ПМК-7 о выделении необходимых комплектующих, уже и необходимое количество муфт у них выпросил.

В ПМК-7, в отличие от нас, материалов

достаточно. Нам они их дают всегда с условием — им оформить за «их предприятием» выданное количество — выполнение капитального ремонта. Закрываю на это глаза. Из многолетней практики знаю — тщательно за ходом выполнения капитального ремонта Управление не следит ему только цифры отчетности и выполнение подавай — в стране на государственном уровне поощряется обстановка приписок.

А главный бухгалтер у меня, Пильникова Надежда Васильевна похоже — очень сильный бухгалтер, честная пунктуальная и принципиальная. С отчетностью у неё все в порядке — границы отклонений от допустимых требований четко чувствует и умеет их не перешагивать. За год совместной работы с ней — это я уже понял.

ПМК-7 выполнить работы по прокладке кабеля не в состоянии, да и нельзя их сейчас допустить к работе на этом важнейшем для связи в городе участке. Работают непрофессионально, — как слоны в посудной лавке, все муфты переломают, большой фронт досадно возникших работ для исправления их огрехов создадут на предстоящий паводок. Нет, кабель нужно прокладывать самим — за счет капитального ремонта, который придется оформить через ПМК-7.

Заодно, люди участвующие в прокладке и дополнительные деньги получают.

Время сейчас благоприятное. Новых повреждений почти не возникает, да и заготовку в канализации по свободным каналам можно протянуть, благо количество каналов на этом направлении достигает 12-ти. Пропарочную машину для прохождения в местах её заледенения обеспечит Смоляга — начальник Горводоканала. Телефоны его организации тоже работают от АТС-7, и он кровно заинтересован в налаживании стабильной их работы. Добрый, отзывчивый руководитель Смоляга Евгений Федорович — очень хорошо и всегда сочувственно относится к работе связистов. Макарычев уже проработал с ним вариант выделения паропреобразователя.

— Дело за вами — бригада...

Молчит бригада.

Я не могу по-прежнему, позволить себе роскошь — взять и просто приказать цеху, а значит — бригаде, выполнить эту работу. Печальный опыт предыдущих руководителей доходчиво продемонстрировал мне, что с рабочим классом командными методами далеко не уйдешь, очень отрицательно командные методы сказываются на качестве их работы. Механизма же обеспечения надежного контроля этого качества по-прежнему, у меня нет. Только осознанная заинтересованность членов бригады в необходимости эту работу хорошо выполнить, принесет нужный,

качественный результат. Ну, кто?.. Кто, наконец, разрядит тишину, и выкажет свое отношение к предложенному мной заданию.

Похоже — мои надежды на вполне понятный ожидаемый энтузиазм Беккера не оправдываются. Оказывается, и хорошие известия могут очень и очень оглушить человека. Буквально выбит из колеи Андрей. Огромный крепкий мужчина, как будто из него стержень вытащили, сидит, неестественно сгорбившись, голова свешивается на длинной шее и находится почти между колен, руки безвольно лежат на ботинках, глаза по-прежнему не в кабинете, глаза в своих мыслях, в них все еще читается неверие. Беккер явно не врубается в озвученную проблему, свое, неожиданное счастье все еще переживает....

Развязку в зависший диалог вносит неожиданно Витя Чурсин. Отношение к Чурсину с моей стороны, и особенно со стороны Висящего, неизменно особенно настороженное. Все мы хорошо знаем — пить Чурсин не бросил. Просто не позволит ему, даже при всем его желании, сделать это — его нерадивая жена — алкоголичка. Слабохарактерный человек — Витя Чурсин, слабохарактерный и очень добрый в душе. С одной стороны деньги, зарабатываемые им спускаются вместе с женой на водку, с другой стороны — видит он перед глазами своих обделенных

нормальной жизнью детей и не покидают его благие намерения — заработать для них побольше денег.

Не до конца пропил еще совесть Чурсин, пока еще важно для него помимо детей и отношение к нему коллектива. Почти год держится Чурсин — несет от него перегаром по утрам, но трезвым приходит на работу — трезвым и уходит. Надолго ли...

А кабельщик он отменный и что важно — не боится никакой самой грязной работы. И, слава богу, никакая хворь не берет его проспиртованный организм.

Раньше самую грязную работу в бригаде выполнял уволенный за пьянку Крыжан. Делал муфты там, где капали ему за шиворот холодные капли, где необходимо было при выполнении работы стоять по ягодицы в воде, в затягивающей сапоги грязной жиже разрытых котлованов. Как правило, пьяным был при этом Крыжан и работу, как правило, выполнял безобразно под равнодушными взглядами поглядывающих на него сверху товарищей. Это была видимость работы — но успокаивала она каким — то образом предыдущее руководство, вот и держали его непотребного на работе — на смех всему коллективу.

Кончилось время Крыжана, это поняли все,

понял и Чурсин, поэтому и не пил пока терпелось, держался изо всех сил, хотя в душе знал, что когда-то все равно сорвется. И, наверное, авансом зарабатывал Чурсин очки, которые позволят в будущем сгладить грядущее наказание за неизбежный срыв. Теперь самую грязную непривлекательную, хотя — есть ли у кабельщиков работа привлекательная, и трудную работу в бригаде выполнял Чурсин. Но в отличие от Крыжана — теперь не пил на работе Чурсин, а следовательно, и работу выполнял так — как надо. Золотые руки у трезвого Чурсина...

— Если нам помогут раскатать и затянуть кабель, пожалуй, дней за десять можно управиться — начинает вслух размышлять Чурсин. Чурсин загорелся — по складу характера, его руки начинают работать раньше головы.

— Ну что бугор, — обращается к Беккеру — возьмемся?

Мне достаточно этой реплики.

— Ну, вот Андрей Васильевич, пока вы тут обдумываете, как будете справлять новоселье — вам для установки и круглосуточной работы в новом жилье телефона — бригада собирается целых 300 пар нового кабеля протянуть. Даже главный инженер, проживая на «семерке» не удостоивался такой чести.

Беккер, наконец, освобождается от своих грез

— как-то встряхивается, вскидывает голову — среди присутствующих в кабинете теперь четко выделяется его стать. Оглядывая с высоты своего роста товарищей, он, почему-то просительно, выдавливая.

— Ну что, возьмемся мужики...

— Проверить бы кабель «на воздух» надо — вступает в разговор измеритель Ларионов.

Начинают бросать реплики и другие члены бригады.

Я пытаюсь сдержать вздох — отлегло от сердца. Все, — раз пошло обсуждение — значит, внутренне бригада готова выполнить эту работу.

Оговариваем детали. Обещаю выделить бригаде в помощь по два человека — от цеха телеграфа и радиоузла. Назначаю срок — работу надо выполнить максимум за 10 дней. Буквально с сегодняшнего дня надо обязать Олишевского выделить в переполненном гараже место для обогрева кабелей перед прокладкой. Придется Олишевскому пару автомашин оставлять на ночь во дворе...

Олишевского убеждать особо не надо — повздыхает с пониманием, и место выделит. Выделит в помощь людей и Ковалев, а вот Сторожилова попытается скандалить, но к этому я уже привык...

Включился в планирование предстоящей

работы Висящев, включился Макарычев — идет деловое профессиональное обсуждение деталей. Я наблюдаю и особо не вмешиваюсь в процесс — знаю, — раз дело закрутилось, значит и будет выполнено. Долго смаковать обсуждение не дает окончательно пришедший в себя Беккер.

— Ладно, ребята, хватит болтать — возьмемся, — сделаем...

Опять плавно привлекаю внимание к себе.

— Детали будем утрясать по ходу работы. Время дорого. Но я хочу еще раз обсудить текущее состояние сети.

— Не могу понять — почему, по состоянию на сегодня — опять начало расти количество кабельных повреждений? Если на 1 января их было 95, то сегодня уже 123. Иной причины как ту, что вы еще не отошли от праздников — не вижу. Мы же договорились честно соблюдать пункты Положения о премировании. Похоже, вы не только не хотите заработать, казалось, вот уже близкие — 80 % премии, но и те 70 %, которые вы зарабатывали в последние 2 месяца — вам не особо нужны. Если кто-то сомневается, — ещё раз подтверждаю: — градация премирования, разработанная в конце прошлого года, будет действовать и в течение всего этого, вступившего в силу, года.

Мы вступили в Новый год с несоизмеримо

лучшими позициями по сравнению с началом прошлого года. Вряд ли сейчас сидит в кабинете хотя бы один человек, который сомневается в том, что эти позиции вы сумеете не только сохранить, но и улучшить. Очень обидно было бы достигнутое упустить. Если есть еще какие-нибудь, серьезные проблемы, мешающие этому — назовите их...

Серьезных проблем бригада не называет.

Ну что ж, на этой оптимистической ноте и закончим встречу. Мельком отмечаю — на обсуждение всех проблем хватило часа..., но заряда от этой встречи людям хватит до будущего паводка.

Не управилась бригада с дополнительной работой за десять дней, но основную её часть выполнила — по состоянию на первое февраля, на всей трассе прокладки кабель лежит в канализации. Прозвонить и срастить кабель не успели — но все его строительные длины находятся под «воздухом». И это залог того, что в феврале мы его введем в эксплуатацию, введем в полном объеме.

В ходе одной из бесед — Висящев, сообщая о результатах затяжки кабеля, с горечью отмечает: — не выполнили мое распоряжение ни Ковалев, ни Сторожилова — обошелся цех своими силами. Поснимал для помощи кабельщикам он своих линейных монтеров, прекратил на некоторое время устранять линейные повреждения, за исключением самых горящих...

Неприятно мне слышать это — но от радости за сделанное дело, я уже чувствую, что не накажу пока не желающих подчиняться начальников. Да и Александр Дмитриевич, похоже, не жаждет крови. Не в его характере это.

По состоянию на 30 января — в сводке 54 кабельных повреждения. Поборолась и под ношей дополнительной нагрузки бригада за свои семьдесят процентов!

ФЕВРАЛЬ

Глава 3

Выходец с юга я трудно переживаю зиму. Тянется холодное время здесь на Севере Казахстана целую вечность — добрых полгода. И большую часть этого времени небо застилают хмурые облака. Холод еще ладно — но не хватает солнечного света моему организму, угнетают хмурые дни.

Казалось, нет смысла придавать этому особое значение, но каждое утро на рабочем месте, начинаю с взгляда на настольный календарь на ту его часть, где прописаны фазы восхода и захода солнца, отмечена долгота дня.

Каждый год прибавление протяженности дня на одну минуту после 25 декабря, — является для

моей души лучшим праздником на свете. Каждое утро взгляд в календарь, в заветную его часть, где неуклонно увеличивается число минуток в дне, бодрит меня, наливает жизненной силой, растворяет в этих приростках дня оттенки мрачной хандры, сопровождающей множество неприятных болезненных оттенков руководящей работы. И этот праздник длится до самого февраля когда — вот он — уже на целых два часа увеличился день. Все больше и больше солнца заливает кабинет через находящиеся на южной стороне окна.

На улице еще свирепствуют морозы, и бывает нестерпимо холодно, но хорошее настроение не покидает меня. Заглядывания в календарь к февралю становятся все реже, я насытился прибавлением минут, я убедил себя внутреннего, что лето непременно придет, и живу его ожиданием.

Ощущение праздника постепенно растворяется в наваливавшихся с все большей силой и мощью окончательно сформировавшихся планах наступившего года, но хорошее настроение, аккумулированное им, создает позитивный тонус, изливается энергичностью, и душа рвется в работу, в работу, в работу...

Греет и то, что меня окончательно принял коллектив. И самое главное — за год из самого важного и проблемного для предприятия —

по-прежнему, цеха ГТС, — не уволился ни один человек, за исключением тех неисправимых, которых мягко рекомендовал выгнать Висящев. Хотя нет — один человек все же уходит.

Уходит Кибиков Николай Моисеевич. Когда Александр Дмитриевич сообщает об этом — имя этого человека совершенно ни о чем мне не говорит. Но сколько сожаления в интонациях голоса начальника цеха..., и я чувствую, для Висящева — это осязаемая потеря.

Кибиков, — участник войны, опытный профессиональный связист, долгое время работал линейным монтером, скромнейший и абсолютно незаметный человек. Он достиг пенсионного возраста, ему уже трудно бегать по повреждениям, в последнее время он по поручению Висящева приводил в порядок кроссировки в распределительных шкафах.

Я вроде и считаю себя опытным связистом, но в ходе разговора с Александром Дмитриевичем — передо мной вырисовывается еще одна проблема эксплуатации сети.

Оказывается, все 40 распределительных шкафов установленных в городе, по сути, являются бесхозными. Они ни за кем не закреплены, как правило, не закрыты на замки — в них хозяйничают все кому ни лень, и кабельщики, и линейные монтеры, и монтеры по обслуживанию

телефонов-автоматов. О каком порядке при эксплуатации шкафов одновременно таким скопом людей можно говорить.

Безобразно внутреннее обустройство телефонных шкафов — к ним вполне применим термин «вороньи гнезда» — термин, который как-то очень метко применил Семенов Алексей Николаевич, критикуя на одном из собраний возмутительную работу сельских монтеров ЭТУС при кроссировании ими абонентов в малопарных сельских кабельных ящиках.

В ЭТУС-е нетерпимым было это безобразие, но это — в селе. У меня даже в мыслях не было, что аналогичное «обустройство» коммутационных узлов, но в гораздо больших масштабах, может быть в городе, в Областном центре...

Вот еще один осязаемый источник низкого качества работы телефонов.

Мне нечего пока посоветовать Висящеву, нельзя это поставить ему и в укор — бесхозяйственность и вопиющая безответственность за состояние линейно-кабельных сооружений ему досталась от предыдущих «хозяев» сети. За короткий срок своей работы начальником линейно-кабельного цеха, Висящев большую часть времени уделяет устранению самого страшного наследия доставшегося ему — неуправляемости сети,

идушей от катастрофического количества неконтролируемых повреждений. И только этот пласт его работы постоянно у меня на виду.

А сколько полезных вещей внес или возродил вновь Александр Дмитриевич, за всего год с небольшим, руководя сложнейшим и ответственным цехом, я, наверное, никогда так и не узнаю — не любит выставлять напоказ свои дела Висящев.

По-прежнему, в цехе не хватает людей, не потому, что нет вакантных единиц в штатном расписании, не потому, что люди боятся тяжелой и непривлекательной работы. Основная причина кроется в том, что проклятьем, по-прежнему, висит над цехом ГТС за долгие годы сформировавшийся имидж. Имидж такого цеха, в котором место только пьяницам и забулдыгам, что люди, работающие в этом цехе, обречены на вечную ругань начальства и не только, что им уготовлена роль лишь вечных виновников за все недостатки в работе предприятия.

Куда ни кинь — а любая связь начинается с абонентского устройства — телефонного аппарата, за нормальную работу которого отвечает именно этот цех. Нет, не хочет выступать современная молодежь в качестве мальчиков для битья. Мало геройского в таком труде. Лишь одна яркая перспектива — приобрести для себя комплекс

неполноценности.

Вон, насколько вроде бы, умна экономист Мурносова, — по итогам работы, в первую очередь над качеством, в 1986 году, просто не может не заметить выдающихся успехов работы подчиненных Висящева, но по-прежнему, там, где надо и не надо называет их пьяницами и бездельниками. Может быть по инерции, а может быть и умышленно. Называет и при мне, хотя явно видит, что я недоволен этими её высказываниями.

Только одним из многих полезных начинаний Александра Дмитриевича является найденная им возможность привлечь Кибикова к выполнению работы по наведению порядка с кроссировками в шкафах. И вот, уходит Кибиков, и эту важную и нужную работу, пока выполнять будет просто некому.

— Ну, ничего, — произносит Висящев, — отдохнет Николай Моисеевич до весны, до теплых дней — а летом я его опять сагитирую на эту работу, по отдельному договору.

Мне остается только согласно кивнуть головой.

Глава 4

Вот что значит монтировать новый кабель, проложенный с предварительной подготовкой и без

будоражающей суеты. Без проблем 10 муфт на трехсотпарном кабеле буквально за несколько дней смонтировали кабельщики. Ларионов доложил Висящеву, что все пары кабеля по результатам измерений — в норме.

Кабель обязательно должен стоять под избыточным воздушным давлением. Муфты-газушки на его концах, заливает специальным компаундом, основную часть которого составляет эпоксидная смола — старший инженер цеха Бугаенко Иосиф Александрович.

Никому он не решается доверить эту работу. Слишком капризное и ответственное дело — заливать таким способом газовую муфту — идет реакция, и температура при заливке, если зальешь в муфту больше чем положено компонента, может достичь нескольких сотен градусов. Поторопишься, и сгорит нежная полиэтиленовая изоляция жил кабеля — спечется кабель, а запас его на газовую муфту строго вымерен. Большие проблемы создаст профессиональная промашка — после вырезания спекшегося куса образовывать и заливать эту столь необходимую муфту — во второй раз.

Бугаенко — человек неторопливый, основательный. Работа, сделанная его руками — всегда добротна. После застывания эпоксидки изоляция жил еще раз промеряется, она в норме — значит, можно сдавать кабель в работу.

Лично прослеживаю, чтобы кабель сразу же был установлен под воздух. Протяженность кабеля большая — свыше пяти километров. Принимаем решение — запитать его одновременно от двух компрессорно-осушительных установок. От той, которая установлена на АТС -7 и от КСУ — установленной в подвале административного здания.

За компрессорными установками тоже следит и обслуживает их Иосиф Александрович. Работают установки на износ — большая часть кабелей воздуха «не держит». Ресивер на «семерке» самодельный, объем воздуха помещавшийся в нем — незначителен, и работает здесь компрессор почти непрерывно. Выйдет из строя — нет резервного..., компрессоры являются очень большим дефицитом. И тогда — жди беды...

Питается компрессорная установка только от напряжения электрической сети. А на АТС-7 часто отключают электроэнергию.

Есть на АТС-7 старенький дизель, который служит резервным источником электропитания. Но запускается он только вручную коленчатой ручкой. Не дай Бог свет отключится в ночное время — дежурный персонал АТС — женщины. Им такая работа — запустить дизель — не под силу.

Длительное отключение электроэнергии на АТС-7, практически неизбежно, приводит к

намоканию того или иного негерметичного кабеля.

Старшему инженеру цеха электропитания Яровой Надежде Дмитриевне дано задание, перевести дизель на запуск от аккумуляторов, но что-то пока с этим у неё не получается.

Несколько лучше обстоят дела с компрессорной установкой, которая расположена в подвале административного здания. Год назад, когда я её увидел в первый раз — просто ужаснулся. Стояла она в сырой подтопляемой части подвала и, по сути, гнала в кабели влажный воздух. Никакие термокамеры не могли этот воздух осушить. Не могли довести до необходимой кондиции.

Полгода назад удалось этот компрессор перенести в одно из немногочисленных сухих помещений подвала, уровень пола в которых, был более чем на метр выше, чем у помещений затопляемых. Механик гаража Олишевский раздобыл гаражный компрессор с объемным ресивером и пожертвовал его цеху ГТС.

Вот к этой осушительной установке и подключили мы второй конец нового соединительного кабеля. Набрал кабель избыточное давление — опустили до нуля его ротаметры. Теперь я точно знал — если не допустим на кабеле механических повреждений — будет он работать надежно.

Станционную часть новой соединительной линии, прокладку, распайку его на кроссе провели работники цеха АТС. Здесь заправляли работой опытнейшие Семенда Ольга Кирилловна и Гаврилюк Флера Валеевна. У меня не было времени вникать в тонкости работы цеха АТС. Эти тонкости прекрасно знал Макарычев, он и организовал людей цеха на подготовку к включению приборов станции с обеих сторон. Женщины цеха АТС, с присущей им аккуратностью выполнили все, что им было поручено, и к концу февраля АТС-7 получила более сотни дополнительных трехпроводных соединительных линий различного назначения.

Очень важная работа была проделана двумя цехами, проделана своевременно — теперь непрерывность работы АТС-7 в случае выхода основного свинцового кабеля из строя, пусть с недостатком соединительных линий — но была обеспечена.

Глава 5

В одних из дней второй половины февраля в кабинет вошел Висящев. Он был взволнован — оттенки его волнения всегда выдавались голосом, в его звучании появлялись необычные гортанные нотки.

— Виктор Васильевич — мы нашли

кабельщика, — заявил Александр Дмитриевич.

— Как нашли? Это что — шутка такая? — верилось с трудом.

Но глаза Висящева источали радость и какое-то неуверенное, но предвкушение удачи. Невольно его волнение передалось и мне.

Было от чего волноваться — целый год мы агитировали своих людей — переквалифицироваться в кабельщики. Тщетно. Послали на специальные курсы подготовки кабельщиков по линии военкомата, в рамках комплектования специальной команды, которая будет сформирована для работы на случай чрезвычайных ситуаций, по мобилизационному плану. Двух хороших ребят посылали, из радиоузла, — монтеров Шершнева Валерия и Корниенко Леонида. Приехали они с курсов и хоть получили там нужные навыки, никакие увещевания и агитация не помогают их склонить к переходу на одиозный участок работы ГТС.

Сколько красноречия израсходовал я в Горкоме и Горисполкоме, надоедая властям и руководителям городских предприятий эксплуатирующих у себя ведомственную связь — в надежде склонить их на оказание помощи Телеграфно-телефонной станции их специалистами. А точнее сказать, бывшими — своими. Выращенными здесь в ГУС у Селина С.И. до

образования ГТС, и перешедшими затем на более спокойные и более хлебные места в эти самые предприятия. На железную дорогу, в предприятия энергетики, на фарфоровый завод, в МВД. Просил направить хотя бы на месяц, хотя бы — на пару недель, для ликвидации критической ситуации в работе телефонной связи города. Тщетно! Глуха к моим наивным просьбам ВЛАСТЬ города.

Весь год был глух и Андрей Алексеевич Фенин по части моих просьб о командировании на время, хотя бы пары кабельщиков из крепких районных Узлов связи, для помощи ГТС. Спасение утопающих — на деле — дело рук самих утопающих.

И тут — на тебе, обнаружился свободный кабельщик! — неужели сам пришел устраиваться на работу. Что-то верится с трудом. Александр Дмитриевич излагает новость и мне становится понятна сквозившая в его взгляде неуверенность.

Кабельщика совершенно случайно нашел Беккер Андрей, устраняя одиночное кабельное повреждение на Кирпичном заводе. Кирпичный завод расположен на отшибе города в Застанционном поселке и входит в состав дислоцировавшейся там военной части, а проще говоря — учреждения, ведающего тюрьмой и другими исправительно-трудовыми поселениями. Совершенно случайно, Андрей разговорился с

одним из заключенных, работающих на Кирпичном. И в ходе разговора оказалось, что в свободной жизни, этот человек работал кабельщиком, на предприятиях связи Караганды. Заключенный этот не работал под конвоем, и у Беккера мелькнула мысль — а может быть стоит попробовать — договориться с начальником колонии о разрешении этому зэку отрабатывать свою повинность на ГТС.

Мысль эту подал ему сам заключенный. Оказывается, исправительное учреждение по заявкам организаций города направляет в эти организации, в порядке помощи, своих подопечных, не представляющих общественной опасности, на работу.

Хорошая мысль. Очень правильно, что зацепился за неё Висящев.

Я тоже загорелся надеждой. Исправительное учреждение имеет один единственный телефон, который только в последнее время стал более-менее стабильно работать. Отсутствие надежной связи с городом, скудное количество номеров — острейшая головная боль для его руководителей. Дополнительный телефон для них многие годы являлся неосуществимой мечтой, и они многое готовы будут сделать, что бы его получить.

Еще несколько месяцев назад и для нас — мысль установить хотя бы один новый телефон в

Застанционном поселке была крамольной, но сейчас, когда мы серьезно подтянули повреждения — она не является такой уж неосуществимой.

И раз Висящев завел разговор о кабельщике, то он наверняка уже проработал возможность удовлетворения неминуемой встречной просьбы со стороны военных. Так оно и есть — Висящев готов пойти на установку дополнительного телефона в тюрьме. Возможность сделать это технически грамотно уже изыскал Беккер.

Нет-нет, надежда не так уж и беспочвенна, лишь бы подтвердилось, что кабельщик не является каким-нибудь рецидивистом.

Ранним утром следующего дня — мы уже в приемной начальника кирпичного завода — грубо сколоченного фигурой массивного подполковника. Он принимает нашу просьбу по-деловому — тут же наводит справки об интересующем нас человеке. Действительно, есть такой и к счастью, — он направлен в Синегорскую колонию на принудительное поселение.

— Ладно, — поработает он у вас с месяц, а там видно будет, — добродушно бросает подполковник. Сегодня у него нет к нам претензий, — оказывается, вот у него уже несколько дней, работает городской телефон, работает устойчиво, даже не шуршит. У него и в мыслях, похоже, нет — попросить нас о

дополнительном телефоне для своего предприятия, а мы радостные, что у нас появится, наконец, дополнительный кабельщик, не можем сдержать благодарных эмоций, и буквально ошарашиваем его желанием, установить этот телефон. Обалдевший от неожиданности подполковник тут же обещает по исполнению нашего обещания — напоить нас добротным коньяком. Расстаемся мы — очень довольные друг другом.

И вот, спустя несколько дней у Висящева в цехе появляется новый потенциальный кабельщик — узбек по национальности, по фамилии — Муметжанов с трудно выговариваемым именем. Бригада в дальнейшем его будет звать просто — Миша.

Висящев приводит его в мой кабинет для знакомства. На вид Муметжанову лет сорок — чувствуется, что это серьезный знающий жизнь человек. Из беседы проявляется — он действительно профессиональный кабельщик-спайщик, до случившегося с ним несчастья, многие годы работал по шестому разряду на одной из крупнейших в Казахстане Карагандинской ГТС, имел дело практически с любыми типами кабелей. Имеет многочисленную семью. Аж одиннадцать детей! Попал в тюрьму в результате несчастного случая. Управлял мотоциклом и на одном из неудачных разворотов,

его напарник, сидевший на заднем сиденье — не удержался, упал с мотоцикла и разбился насмерть...

Муметжанов ужасно рад возможности поработать на обычном предприятии, среди обычных людей. Ему нужно подзаработать денег, ему нужно помогать семье...

Я верю этому устало выглядевшему, побитому жизнью человеку. Верит ему и Висящев. Принимаю решение — принять его по пятому разряду. Обещаю ему полностью выплату всех премий полагавшихся кабельной бригаде при условии его добросовестной работы. Предупреждаю его о категорическом неприятии пьянства.

Муметжанов божится, что он вообще не пьет... Бог его знает, — а может быть и вправду...

Вливается в кабельную бригаду Миша абсолютно без трений. Моих гэтээсников трудно провести — очень быстро они убеждаются, что Муметжанов действительно настоящий опытный кабельщик. Кабельная бригада довольна его работой.

Зарплату Муметжанов на руки не может получать — она бухгалтерией будет перечисляться на его счет в тюрьме. Какая-то часть этой суммы останется тюрьме на покрытие расходов за его содержание. Но от этой зарплаты Мише будет

оставаться такая доля, о которой, выполняя совсем не сладкую работу в кирпичных цехах, он и не смел даже мечтать.

Муметжанову — находиться на поселении еще более двух лет, и я точно знаю, что в случае его добросовестной работы уговорю покладистого подполковника на отбывание им срока повинности, на весь оставшийся срок — на доверенном мне предприятии. Что и обещаю этому малорослому, забитому на вид, не верящему в свою удачу человеку.

Глава 6

Интересный человек — главный бухгалтер Пильникова Надежда Васильевна.

Я уже отметил для себя, что это очень опытный квалифицированный влюбленный в свое дело специалист. У Пильниковой — мама — немка, и, похоже, по крови ей передалась значительная доля основательной немецкой аккуратности и педантичности.

С такими задатками и безукоризненной честностью — быть плохим бухгалтером просто невозможно. Я немного понимаю в «дебетах и кредитах», но два «баланса предприятия» выполненных Надеждой Васильевной по результатам прошлого года — просто

безукоризненны. Задавая перед подписью их — по существу, несколько довольно трудных вопросов, получаю от неё четкие однозначные ответы на очень простом понятном, совсем не бухгалтерском языке. По опыту знаю — на не совсем бухгалтерские вопросы, по теме — «бухгалтерия», трудно отвечать.

Пильникова справляется. В свою очередь удивляется.

— Вы же не бухгалтер, Виктор Васильевич, — как вам удастся задать вопросы именно по существу баланса, предыдущие начальники всегда его, молча, подписывали и все.

Смотрит на меня уважительно. Как ей объяснить, что мне посчастливилось пройти десятилетнюю школу у очень неординарного и самобытного учителя — Семенова Алексея Николаевича. Вот плоды этой учебы и демонстрирую.

Сейчас Надежда Васильевна нервничает. По складу характера она очень эмоциональна и порывиста. Наделила природа Надежду Васильевну обычной внешностью и в те моменты, когда в душе её бушуют эмоции, лицо Надежды Васильевны приобретает багровый румянец и становится чуть-чуть некрасивым.

Причина беспокойства Пильниковой — проверка правильности отчислений, в бюджет,

проводимая Областными финансовыми службами. По результатам проверки — на предприятие наложен штраф с предписанием, на доплату, якобы неверно проведенных в отчетности, сумм.

Показывает мне все письменные пояснения, читает статьи инструкций и нормативных документов. Логичны её заключения и трактовки по сути вопроса. Действительно несправедливо нас цепляют финансовые органы.

Иду вместе с ней к главному бухгалтеру Управления связи — опытному финансисту — Коберштейн Ирине Зигфридовне.

Ирина Зигфридовна в курсе дела — она полностью владеет ситуацией и не находит в действиях моего бухгалтера неправильных решений.

— Но вышестоящие органы — они для этого и есть вышестоящие — стоит ли с ними бороться... — она обречено машет рукой.

Но не такова Надежда Васильевна.

— Я напишу письмо Назарбаеву — в запальчивости бросает она...

Назарбаев совсем недавно назначен Председателем Совета Министров Казахской ССР. И..., действительно, — пишет...

Вчитываюсь в текст — очень грамотное профессиональное письмо. Копия письма адресована в Облисполком, в областное

Управление связи. Пильникова полна решимости доказать свою правоту и отстаивать интересы ТТС. Мне очень импонирует её решительность. В отстаивании интересов доверенной мне ТТС я тоже не останавливаюсь перед весом авторитетов.

Высоковато, конечно, обращаемся, но в стране в полном разгаре Перестройка. Партия призывает нас к гласности, смелости в отстаивании своего мнения, к борьбе за идеалы справедливости, справедливости во всем...

Ну что ж, — поборемся, — я подписываю письмо. В душе совершенно не верю, что на это письмо кто-то отреагирует, — сколько таких писем писано — переписано людьми, с изложением проблем, гораздо более серьезных, чем наша. Как правило, им уготована одна участь — пылиться безответными, в папке какого-нибудь равнодушного чиновника. Подписываю письмо — и забываю о нем. Все, еще короткие, зимние дни пролетают с невероятной быстротой.

Дней через десять один из моих рабочих дней начинается со звонка по «вертушке» от Фенина. Он как всегда немногословен.

— Виктор Васильевич, нас с вами на 9 часов приглашают в Облисполком.

Не задаю лишних вопросов, лишь чертыхаюсь про себя — опять какая-нибудь сверхсрочная задача по организации важной связи в

нетелефонизированном районе города.

Встречаю Андрея Алексеевича у ворот, выходящих на центральную площадь со двора. На улице — сильный мороз и ветер с поземкой. На занесенной ночной вьюгой снегом площади нет ни одной проторенной дорожки. Роль первопроходца исполняет Фенин. До назначенного времени — еще целых десять минут, но мой непосредственный начальник спешит. По уже пробитому им следу — я, тоже быстрый ходок, — едва за ним поспеваю.

В приемной председателя Облисполкома товарища Крымарова нас приглашают подождать — Крымарова нет в кабинете. Проходит несколько томительных минут. Я волнуюсь, заметно нервничает и Фенин. Распахивается дверь приемной и через нее стремительно вышагивает в свой кабинет крупный полулысый человек с глазами навывкате. Это и есть Крымаров.

Он бросает мимолетный взгляд на Фенина и кивком приглашает нас в кабинет. В кабинете — мгновенно взрывается.

— Вы что там за письма пишете в Правительство, почему у нас не спросили разрешения? Неужели свои проблемы не можете решить на месте... — все свое негодование он изливает на Фенина.

Меня совершенно — не замечает. Во мне мгновенно закипает возмущение, теперь понятна

причина приглашения, я завожусь и встречаю в разговор.

— Мы обращались в местные органы, им нет дела до нашей проблемы...

Больше я ничего не успеваю сказать. Упорно не замечая меня, он с еще большей энергией набрасывается на Фенина.

— Что это за подчиненные у вас? Они умеют придерживаться дисциплины ...

И опять меня, неугомонного — несет.

— Вы меня, наверное, пригласили сюда не для того, чтобы я стоял, здесь молча — опять вырывается из моей мятежной души.

Андрей Алексеевич выступает вперед заслоняя меня телом, его и так трудно различимая речь становится совсем непонятной — одно лишь слово звучит в его бормотании твердо.

— Разберемся...

— Вот и разберитесь — бросает Крымаров. Он выговорился, мы ему больше не нужны.

Дает нам понять, что разговор окончен — мы покидаем кабинет.

Обратный путь держим по той же проторенной минут двадцать назад Андреем Алексеевичем дорожке. Теперь это уже хорошо утоптанная тропинка. Много людей ходит в Облисполком...

Фенин молчит, — помалкиваю и я,

заваривший эту кашу. Трудный удар принял на себя Фенин. И я никак не пойму — робок ли он на самом деле, или вид угодливого чиновника в кабинетах высокого начальства — это его выработанная годами защитная оболочка.

Мы расходимся с ним на том же месте, где и встретились — он, как ни в чем не бывало, говорит мне.

— Ну, пока... — и скрывается за углом электрического корпуса.

Я уже достаточно хорошо изучил Фенина и знаю — разборок не будет. Он, конечно, не одобряет нашего с Пильниковой поступка, но во взгляде его ясно читается — и не осуждает. В душе я чувствую себя виновным, перед Андреем Алексеевичем, но мне его не жаль. Каждому свое. Тяжел мой крест — начальника городской связи, но насколько тяжелее крест Фенина...

...В предписании проверяющих органов, наконец, подписанном главным бухгалтером Пильниковой и мной, пункты об оспариваемых санкциях исключены...

Глава 7

Очень тяжело устраняются кабельщиками повреждения во вьюжном и морозном погодой феврале. Отвлечение на соединительную линию на

«семерку» тоже сыграло свою роль. Но на второй чаше весов, работа прибавившегося кабельщика Муметжанова начинает приносить свои плоды, пусть пока не очень значительные.

26 февраля — на сети 33 кабельных повреждения. Зафиксировались абсолютным минимумом и продержались всего несколько часов.

В этот же день неизвестная сторонняя организация, без согласования перевозившая негабаритный груз в далекой Северной промышленной зоне рвет воздушную кабельную линию на предприятие «Сельхозхимия». Вместе с кабелем — упало пять опор, разрушены железобетонные приставки.

Требуется бурильно-крановая машина, а её нет. Собственная — старая, изношенная. И разложен давно на две части оснащенный ею и не поддающийся ремонту трактор «Беларусь».

Устранение повреждения затягивается на четыре дня и заканчивается второго марта. Долго советуемся с Висящевым и Макарычевым — по вопросу — выплачивать кабельной бригаде, впервые положенные им восемьдесят процентов премии, закрыть ли глаза на так некстати возникший, явно не по вине кабельщиков, злополучный порыв. Ведь с учетом порыва — по состоянию на 28 февраля, — на сети все-таки 53 повреждения, чуть-чуть выше нижней сетевой

планки, и приходим к выводу — надо закрыть глаза на это досадное в три повреждения превышение.

Мы, конечно, не говорим об этом вслух — но в душе так болеем за эту кабельную бригаду, так желаем её окончательной победы над самими собой, что все не выплачиваемый им максимальный размер премии в 80 процентов, больше жжет нас самих, чем их. И приняв решение о выплате, наконец, им последней десятипроцентной доли, считаем в душе каждый, что это не их, — это себя мы наградили.

МАРТ

Глава 8

С приходом марта несколько ослабевает напряжение, связанное с прохождением отопительного сезона. Крупная авария, последствием которой было размораживание разводящих труб на крыше административного здания в начале отопительного сезона, была первой и последней до настоящего периода. Ставка на Егорова Михаила оказалась правильной — и в целом отопительный сезон проходит без серьезных эксцессов.

Так — завоздушенность батарей устранить,

подтянуть или перенабить начавшие подтекать сальники на задвижках или кранах, отрегулировать объем горячей воды циркулирующей по стояку.... Регулярно заглядывая в подвал — не вижу больше характерных для негерметичной разводки, испарений и в целом — ходом отопительного сезона — доволен...

Недостаточно тепло в гараже, и совсем холодно в здании радиоузла — очень неудачен изначальный вариант подключения этих объектов к отопительной сети, но плюс в том, что, наконец, Егоров сумел объяснить мне суть этой неправильности.

Радиоузловцы и водители почти не жалуются на ставшую уже обычной, за долгие годы, обыденную для них обстановку с теплом — привыкли.

На втором этаже здания радиоузла, где размещается аппаратная, недостаток отопления собственно аппаратной, да и смежных помещений дополняется теплом от пышущих жаром из радиостоек крупногабаритных электронных ламп, раскачивающих выходную мощность установленных здесь радиотрансляционных усилителей.

Ну а на первом этаже, где располагается абонентский отдел радиоузла, монтерская комната и кабинет Сторожиловой, периодически

включаются самодельные электрические обогреватели «козлы», как их любовно называют жаждущие тепла люди. Опасно с точки зрения противопожарной безопасности — но я вынужден на это закрывать пока глаза.

Обращает иногда на планерках Наталья Ивановна внимание на беспорядок с теплом в своих «апартаментах», а вот монтеры и водители, при встречах с ними, на ежеквартальных цеховых собраниях, с обязательным присутствием представителя администрации ТТС, — молчат. Их рабочее место в основном на линии, этих людей холодом не смутишь.

Ну что ж, слава Богу, разобрались с причиной плохого отопления, — конечно, до конца отопительного сезона придется потерпеть, но летом обязательно что-нибудь придумаем. И у Егорова, похоже, есть уже какие-то мысли на этот счет.

А пока он все больше воюет с водопроводом и канализацией, — то она забьется в неподходящем месте, то кранам свернут шею нерадивые пользователи.

Разные люди работают на ТТС. Отдельные из них до сих пор принимают площадки на лестничных трапах, — за общественный туалет, и могут здесь же сходить по легкому, могут спуститься украдкой для отправления своих естественных надобностей — в подвал, хотя

туалетные комнаты — практически все в исправном состоянии, — могут забить канализационные трубы непотребными остатками личной гигиены....

Борется со всем этим Егоров, и находящиеся в его ведении уборщицы, — героически борется, пытается найти и разоблачить пакостника, недоброжелателя и врага общепринятых порядков цивилизованного общества связистов, — все тщетно....

Положение с водой сейчас волнует меня более всего. Её просто нет ни в административном здании, ни в электрическом корпусе, ни в Почтамте, ни в Управлении связи — нигде на территории квартала в центре города занятого под объекты связи — нет воды. Воды нет уже целых три дня.

Все началось с маленькой лужицы появившейся вдруг на территории общего с Почтамтом участка двора — метров за восемь за зданием радиоузла, и метров пятнадцати от стены, во двор к фасаду электрокорпуса.... Первым эту лужу заметил кто-то из работников Управления связи.

— Что это за лужа у вас в лютую стужу во дворе — задал по вертушке странный вопрос Андрей Алексеевич.

Что я мог ответить? — Побежал, тут же, забыв накинуть пальто, во двор, чтобы убедиться

собственными глазами в правдивости сообщения Фенина.

Лужа действительно была, лужа под натиском мороза — парила. Принимал рыжеватые оттенки снег, жадно хватал, впитывал в себя эту воду и оседал под её тяжестью. Вода быстро растекалась по следу уже успевшей проехать через лужу автомашины.

— Прорвало теплотрассу — мелькнула мысль...

Подземные лотки теплотрассы тянутся вдоль старого здания, здания электрокорпуса к мощному тепловому узлу, расположенному в одном из его помещений на стыке с корпусом Почтамта. Лишь узкая полоска не занятого лужей пространства остается еще у электрокорпуса.

Опаздывающие на работу работники Почтамта и Управления связи с опаской, чтобы не замочить обувь, пересекают по ней неожиданное препятствие. Подтягиваются к луже мои начальники цехов, здесь же с озабоченными лицами уже снуют Егоров и Маас. Они в один голос утверждают, что это не теплотрасса.

Значит — водопровод.... Точной трассы прохождения водопровода никто не знает. Воду надо перекрыть — и сделать это может только Водоканал.

Приехавшая, наконец, после настойчивых

звонков, только к обеду ремонтная бригада Водоканала перекрывает задвижку на ответвлении водопровода, на улице Урицкого — в нашу сторону, и отрезает тем самым нас от воды — а вместе с нами, и соседние пятиэтажные жилые дома, питающиеся от этой ветки. Через некоторое время — выдавливание воды из-под земли пошло на убыль и вскоре совсем прекратилось.

Весь день прошел в определении и уточнении трассы водопровода. Она оказалась на значительном, не менее десяти метров от выбивающихся на поверхность фонтанчиков воды — удалении, проходила по десятиметровой полоске двора — между лицевым фасадом радиоузла и гаражом.

Точное её расположение смог указать лишь ветеран Фурсенко возившийся со своими почтовыми ящиками, возле деревянной каморки, пристроенной к расположенному тут же во дворе, зданию ГУСМ — и служившей ему, то ли складом, то ли кабинетом и подошедший полюбопытствовать — уж не клад ли мы здесь ищем.

Вероятное место порыва — могло быть в любой точке — на доброй сотне метров его протяженности. И лютая стужа во дворе.

Под два метра — промерзшая земля, мороз на улице зашкаливает за двадцать... — есть от чего

закручиниться. Без воды — долго не проживешь. И нет у меня подразделения ремонтирующего подземные водопроводы.

После обеда встретился специально по этому вопросу с председателем Горисполкома Мырзиным Р.А., обрисовал ему сложность ситуации, попросил — оказать помощь в ускорении привлечения к устранению аварии сил Водоканала. В это время года Водоканал, как правило, особо перегружен и задыхается под тяжестью устранения подобных порывов в городе. И очень много времени занимает обогрев многочисленных не утепленных уличных водопроводных колонок, вода внутри которых сковывается льдом, и целые кварталы частных домов не могут добыть её. И тащат люди, матерясь, назад от колонки, раздраженно громыхающие пустые фляги. Не до связистов сейчас Водоканалу. Мощное ведомство — пусть у себя во дворе само разбирается. И тут решающее слово за властью.

Ринат Айдарович пообещал помочь и действительно сделал несколько необходимых звонков. Весь следующий день прошел в ожидании начала работ Водоканалом, — однако этого не произошло.

Кто имеет представление о длительном отсутствии воды в своей благоустроенной квартире, — может представить, в какой кошмар очень быстро грозила превратиться жизнь

обитателей многолюдных оставшихся без воды помещений. Ожидание усугублялось недовольством звонивших мне по телефону жителей прилегающих, также оставшихся без воды, домов. Их звонки в службы Водоканала направлялись бумерангом ко мне, мол, связисты перекрыли вам воду, а мне ничего не оставалось кроме как перенаправлять их недовольство в Горисполком.

К вечеру к соседней пятиэтажке Водоканал подогнал мобильные цистерны с водой. Вереница жильцов торопливо растаскивала ведрами драгоценную влагу по своим квартирам.

В следующей первой половине дня работники аварийной службы Водоканала посновали деловито по трассе водопровода, нашли колодец в последнем его колене, из которого труба прямым ходом уходила на территорию ТТС, и обнаружившейся там задвижкой, отсекли её участок, уходящий к нам. Таким образом, они восстановили подачу воды в жилые кварталы, нам же безапелляционно заявили: — Водоканал не обслуживает коммуникационные сети ведомств.

К исходу третьего дня стало окончательно ясно — с этой тяжелой аварией ТТС осталась один на один. Андрей Алексеевич туманно обещал пожаловаться в Облисполком, Селин С.И. посетовал, что у него на Почтамте работают одни

женщины, и свободных рабочих рук нет, — как будто бы у меня сплошные мужики....

Стало понятно. Только личный визит к Смоляге мог сдвинуть дело с мертвой точки. Евгений Федорович заметно выделялся среди других руководителей города своей мятежной независимостью. Он был, безусловно, неординарным человеком — жилистый и поджарый, подвижный и решительный — настоящий профессионал, выглядел он гораздо моложе своих лет.

Не мог существовать Водоканал со своими, отнюдь не меньшими, чем у связистов, проблемами без Смоляги. Когда нет воды, жизни точно — нет. Его ругали все кому не лень, ему выносили партийные взыскания, его неоднократно выгоняли с работы, что тут же резко ухудшало снабжение города водой и ..., смилив гордыню, вынуждены были неоднократно восстанавливать в должности Евгения Федоровича вновь.

Твердо знающий цену себе, не церемонящийся с людьми, мешающими ему работать, в том числе и с потребителями, не заискивающий ни перед кем Смоляга, в глубине души был очень добрым и ответственным человеком, а смесь доброты и ответственности, как правило, рождает добрые дела.

Мое стойкое неприятие оплеух, часто

несправедливых, навешиваемых немалым числом любителей огульных заключений ошивающихся в коридорах власти, часто в его присутствии, мое стремление непременно дать отпор, было заметным для него. Хотя и приходил со временем опыт общения во властных кабинетах, и я тоже постепенно учился хранить терпеливое молчание и изображать подобающий вид. А вот с глазами ничего не мог поделывать — выдавали они яростное неприятие несправедливой «критики». Все это видел и Смоляга — он один из первых городских руководителей стал относиться ко мне, подчеркнуто уважительно, — нет, не мог он не помочь сейчас в патовой для меня ситуации. По телефону — может и отказал бы, но при личном общении — не мог.

Для надежности еду вместе с Макарычевым. Взъерошенный утренними разборками, Евгений Федорович встречает нас приветливо. Деловито осведомляется у диспетчеров о сути аварии (как будто ему никто не докладывал о звонке из Горисполкома). Внешне, совершенно не реагирует на сетование Макарычева о том, что почти две тысячи связистов вот уже четвертый день маются без воды, но поразмыслив чуть-чуть и, взвесив свои возможности, тут же, дает команду начальнику участка организовать раскопку места порыва водопровода на территории связистов с

завтрашнего дня.

— Некому работать — сетует он, — у него такая же проблема с квалифицированными специалистами как у меня на ГТС.

— Не волнуйся, Виктор Васильевич, — сегодня все работы распланированы, а завтра найдем порыв, будь спокоен.

Все происходит очень быстро — с благодарностью пожав руку Смоляге на прощание — уходим.

Вроде бы и закрыты все туалеты в зданиях, однако по коридорам начинает распространяться характерный запах....

Очень сильно выручает попавших в неудобные условия связистов единственный общественный туалет, к счастью имевшийся во дворе.

В первой половине следующего дня обещанной помощи нет, напряженное ожидание достигает апогея — невероятными усилиями сдерживаю себя, чтобы не начать звонить Смоляге. Далеко-далеко в глубине, внутренний разум подсказывает — этого не надо делать.

Лишь после обеда техника водоканальцев прытко въезжает во двор. Не обмануло меня внутреннее чувство — сдержал слово Смоляга. По тому, как она оперативно разворачивается — понимаю, что бригада приехала опытная.

Перебросившись несколькими словами с Егоровым, бригадир принимает решение — вскрывать трассу водопровода с ближайшей его точки, от места выбившейся из земли воды. Эта точка расположена буквально в трех метрах от входа в радиоузел и его фасадной стены.

У колесного экскаватора вместо ковша навешен мощный клин и это дятлоподобное чудовище с силой начинает долбить промерзший грунт. Я наблюдаю за действиями приехавших специалистов из окна своего кабинета.

Первый же удар о землю мощного клюва содрогает окна кабинета. После второго и третьего удара, кажется, что начинает колыхаться все основательно сконструированное здание-крепость бывшего Городского узла.

Тревожно начинает стучать сердце — здание радиоузла, практически под стенами которого, работает машина-дятел, имеет совсем не такие толстые стены как основной корпус, в котором я нахожусь. На эти стены — без всяких серьезных расчетов в свое время надстроили второй этаж, как бы, не развалилось здание на колыхающуюся ходуном у его основания землю.

А ведь из содрогającegoся здания продолжает обеспечивать подачу программ радиовещания горожанам радиоузел. Перерыв этого вещания хотя бы на минуту будет рассматриваться, особенно

идеологическими организациями города, как серьезное ЧП с далеко идущими выводами.

Нельзя допустить срыва вещания, нельзя допустить разрушения здания, но и нет больше возможности оставлять работающие коллективы без воды.

Огромна, очень огромна ответственность за вероятные последствия «долбежки», но надо удержаться от реакции на паническую игру воображения, надо выдержать эти терзающие душу удары, надо позволить до конца выполнить начатую специалистами работу.

Поддается земля — крошится под чудовищными ударами машины. Место «дятла» занимает экскаватор — выгребает комья раскрошившегося грунта из углубляющейся ямы.

Второй, третий этап работающих попеременно машин и за снятым почти двухметровым слоем замороженного грунта обнажается не охваченная морозом земля, размоченная водой. Машина-дятел свое дело сделала. К счастью и здание выдержало испытание тряской, и радиоузел не дал сбоев.

Теперь работают попеременно экскаватор и откачивающая воду автомашина. Через некоторое время на глубине двух с половиной метров обнажается злополучная труба. Труба идет параллельно фундаменту фасадной части радиоузла на расстоянии менее двух с половиной метров.

Только бы не стали обрушиваться стены вырытой ямы....

С гаражной стороны ямы — котлована, экскаватор вдоль трубы аккуратно углубляет нишу, в которую стекает разжиженная грязь, и аккуратно её выгребает наверх, — труба обнажается все больше и больше.

Начинает смеркаться. Механизированным способом разрабатывать котлован, возможности больше нет, — техника сворачивается и уходит. Завтра до поврежденного участка трубы придется добираться своими силами и вручную...

Зияет трехметровый в ширину, восьмиметровый в длину — глубокий котлован у входа в радиоузел. Напряжение висит в несколько потеплевшем из-за отпустившего, наконец, мороза — воздухе. У края ямы, с утра собрались только имеющие отношение к устранению аварии люди. Прочие любознательные не рискуют удовлетворить свое любопытство личным заглядыванием в её чрево, дабы не нарваться на «гнев начальства».

Подходит Фенин. Здоровается с присутствующими за руку, осматривает котлован, бросает свое знаменитое.

— Да-а!..

И не проронив больше ни слова, торопливо удаляется с озабоченным лицом.

Шесть человек вооруженных лопатами

готовятся начать работу — по два линейных монтера от цехов ГТС и радиоузла, плюс Егоров да плотник Давыд Давыдыч....

Мне не терпится самому увидеть, наконец, конкретное место злополучного порыва. Нетерпеливо выхватываю у одного из монтеров лопату — сам, балансируя — спускаюсь в котлован, пробую грунт — он не успел замерзнуть за ночь, поддается воздействию лопаты. Следом спускается Егоров — больше двоих здесь развернуться пока невозможно. Мне в моих ботиночках кроме как зачин показать — больше делать нечего, выкарабкиваюсь наверх.

Те из монтеров, кто предусмотрительно надел сапоги — начинают освобождать от грязи трубу, Незначительные остатки воды сочатся из трубы. Люди вынуждены работать в месиве, обрастают липкой грязью сапоги, чавкает под ногами жижа, мертвой хваткой прилипает земля к плоскости лопаты...

— Вот бы Крыжана сюда, — его стихия! Он бы быстро тут навел порядок — несколько разряжает обстановку Висящев.

— Ну а если ему поручить еще и трубу залатать, то точно — не видать воды нам долгие годы как своих ушей, — добавляет Сторожилова. Хоть и не шибко интересуется она делами цеха ГТС, но тоже в избытке наслушана о «подвигах»

уволенного вот уже год назад вечно пьяного горе-кабельщика.

Раздается шум работающего мотора. Оглядываюсь — ползет по двору старенький Беларусь МТЗ-5 без кабины с навесным ковшом. Собственный экскаватор, более похожий на груды металлолома, чем на действующий агрегат. С осени ютился он неподвижной промерзшей глыбой в углу двора. И вот теперь — ожил! Гордо восседает на нем тракторист Бурмакин.

Ай да Олишевский, ай да Бурмакин — можно ли описать усилия, которые по собственной инициативе они приложили, чтобы завести и заставить двигаться это «чудо».

«Чудо» не только двигается, оно, пристроившись к котловану, еще начинает, и вытаскивать из него отделяемое измазанными монтерами от трубы месиво. Работа начинает двигаться быстрее....

Пойдет еще несколько дней, потребуется нанести еще один визит к Смоляге, чтобы после проведенной самостоятельно очистки трубы попросить его выделить только у него имеющуюся новую трубу для замены повредившейся, чтобы его специалисты надежно зачеканили места стыка, чтобы, наконец, они включили долгожданную воду.

Все что от него зависит — Смоляга сделает. Потечет вода на предприятия связи. Но только в

конце мая мы, окончательно убедившись, что починенный водопровод действительно герметичен и не дает течи, — решимся окончательно засыпать котлован, и перестанет, наконец, Сторожилова почти на каждой планерке напоминать о том, что её люди, особенно женщины, и не дай бог посетители, на этой проклятой яме могут и ноги сломать....

Глава 9

Все спрессовалось в одну кучу...

Кабельщики к устранению аварии на водопроводе не привлекались. У кабельщиков заботы поважнее, — они готовятся к традиционно начинающемуся в третьей декаде марта — паводковому периоду. А еще, кабельщики готовятся к первому в их жизни профессиональному конкурсу. Волнуются кабельщики. По слухам — даже тренируются втихомолку....

Идея конкурса родилась в середине прошлого года, родилась у Макарычева во время напряженных поисков вечерами — способов контроля над качеством монтажа кабельщиками кабельных муфт.

Бирки с фамилией исполнителя вложенные в муфту — это хорошо, необходимость тщательного осмотра каждой новой муфты — это тоже хорошо,

но кто в контролерах будет выступать, и как практически организовать этот самый тотальный контроль? Нет ответа на эти вопросы.

Единственный, последовательный и безжалостный контролер на сети — это матушка природа и инструментами контроля у неё служат ветра, дожди, морозы, солнечные лучи, грунтовые воды, обильно рождаемая землей всепроникающая влага.

Но пикантность ситуации состоит в том, что большинство её инструментов действует в очень замедленном, запоздалом режиме, и брак в монтаже муфты может проявиться спустя долгие месяцы. Ищи потом следы виновника, как ветра в поле. Долго еще грехи нынче работающих, могут списываться на пресловутого Крыжана.

И как один из героев известной сказки о голом короле — на одной из вечерних разборов результатов дня — при упоминании Висящевым фамилии Крыжана, Макрычев резонно спросил Висящева.

— Александр Дмитриевич, ну если все поврежденные муфты, муфты на важных кабелях — сделаны Крыжаном, то умеют ли вообще оставшиеся у нас кабельщики делать эти муфты?

Висящев остановился на полуслове и изумленно уставился на Макарычева широко распахнутыми глазами, и чуть помедлив, ответил,

несколько растерянно — но ведь делают, же они муфты сейчас, а Крыжана давно нет....

— Делать то делают — продолжил размышлять Макарычев, — да вот только, сколько лет может пройти, когда им станет, наконец, неудобно перекладывать свои грехи на давно отсутствующих людей. Надо как-то проверить их мастерство.

Да, идея конкурса была неплоха. Но не было времени, — организовать и подготовить его в плотном, 1986-ом году, да и измотанные повреждениями кабельщики тогда вряд ли приняли бы эту идею нормально.

Сейчас, при относительно разряженной обстановке — даже явно не умеющий делать муфты Беккер не возражал против его проведения.

Мы торопились — конкурс обязательно надо было провести до предстоящего паводка. Реально выявленные профессиональные навыки позволили бы нам более рационально планировать предстоящую работу.

Для решения организационных вопросов конкурса в дело активно включился профсоюзный комитет, технические задания к конкурсу разрабатывали Макарычев, Висящев и Бугаенко — по их мнению, конкурс не надо было перегружать теорией, проверкой прозвонки кабеля и других, обязательных в профессии кабельщика навыков,

которыми он обязан владеть.

Я согласился, что на данном этапе, нам наиболее важно определить умение кабельщиков — обеспечивать герметичность запаиваемых муфт, а следовательно, их надежность и долговечность в неблагоприятных условиях эксплуатации.

В день проведения конкурса в начале третьей декады марта в цехе ГТС царило необычное оживление. В просторном помещении, оборудованном под монтерскую, всю хозяйничал Бугаенко, — он с помощниками оборудовал для кабельщиков рабочие места.

Мы приглашали поучаствовать в конкурсе любого желающего, но кроме собственно кабельщиков — смельчаков со стороны, проявить свое, может быть скрытое мастерство, не оказалось, да и вряд ли в условиях ГТС по такой уникальной, редкой профессии можно было бы организовать массовый конкурс.

Всего трех человек мог выдвинуть цех ГТС — Полкопина, Леонова и Чурсина. Бригадир Беккер в силу своих природных недостатков (близорукости и «большого роста»), не мог составить четверке достойной конкуренции, но отказаться от участия он не решился, тем более, что кампанию ему решил неожиданно составить длительное время тесно работающий в одной связке с кабельщиками водитель Цехменструк Саша.

Был еще и только начинающий осваиваться зек Муметжанов — но слишком робко и незаметно он держался пока в коллективе, явно не был готов на людях демонстрировать свое умение. Он буквально взмолился перед Висящевым когда тот довольно настойчиво стал его принуждать к участию в конкурсе.

— Александр Дмитриевич, — если надо меня проверить, — давайте в вашем присутствии, я изготовлю любую, какую вам угодно муфту. Но не выставляйте меня людям напоказ, не умею я работать на людях.

Висящев не решившийся самостоятельно удовлетворить его просьбу, пришел за советом ко мне. Он с некоторым недоумением по поводу упертости Муметжанова сообщал о ситуации.

У меня же в этот момент перед глазами возник образ первого, в моей реальной практике, кабельщика ЭТУС, — Уманцева, — вечно бурчащего что-то про себя угловатого увальня, не умеющего на словах внятно сформулировать даже несколько предложений, и в то же время, — непревзойденного профессионала, на практике открывшего мне глаза на особенности его профессии.

Уманцева тоже никакими канатами нельзя было бы затащить на подобный конкурс. Может и у Муметжанова, пока совершенно незнакомого нам

человека, тоже скрыты внутри особенности подобного характера, да к тому же обостренные отбыванием тюремного срока.

— Ладно, махнул я рукой, — пусть пока привыкает. Может быть, проработает у нас и до следующего конкурса — там, не отвертится. А пока — будет помогать участникам, разжигать паяльные лампы.

Заканчивает подготовку рабочих мест Бугаенко с помощниками. Ждут конкурсантов пять рабочих мест с разложенными материалами.

По условию конкурса — необходимо смонтировать без прозвонки попарно пятидесятипарный кабель, сформировать муфту, и пайкой обеспечить её герметизацию.

Кабельщики уже облюбовали места, за которыми будут работать.

Как всегда, рассеянным взглядом скользит по верху голов присутствующих взгляд Леонова Толика; хмур и очень скован Беккер Андрей; уперся взглядом в землю и упорно разглядывает выставленную вперед ногу Саша Цехменструк; внешне абсолютно спокоен несколько побледневший Юра Полкопин; и только Витя Чурсин подпрыгивает нетерпеливо на месте и явно рвется в бой.

По периметру стен просторного помещения расположились болельщики. Добрая половина из

них — женщины, работницы абонентского отдела, технического учета, кросса и АТС. Здесь же экономист Мурносов, инспектор по кадрам Парк Света, Председатель профсоюзного комитета Золотарева В.Д. — им любопытно. Столько раз произносят они это слово «кабельщик», часто с оттенком укора, но большинство из них практически реальную работу кабельщиков ни разу не видели.

Одобрительными взглядами и репликами они подбадривают героев дня, явно не предполагавших к себе такого внимания.

Открывает конкурс Макарычев. Он сообщает, что в его условия внесены изменения, — решено скорость выполнения работы не учитывать. Основной целью конкурса является пусть медленно изготовленная, но герметичная муфта.

Интерес кабельщиков к конкурсу пророс не на голом месте. Валентина Васильевна Мурносова официально сообщает, что победителя конкурса ждет вознаграждение в размере должностного оклада; занявшего второе место — половина оклада, — но об этом кабельщики знали и раньше. А вот то, что Золотарева Валентина Дмитриевна присовокупила к этому от имени Профсоюзного комитета еще и дополнительный приз — дефицитный транзисторный магнитофон, — звучит неожиданно.